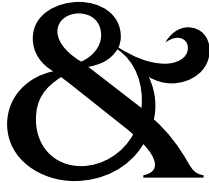

АРТЕФАКТ
ДЕТЕКТИВ

РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

**АРТЕФАКТ
ДЕТЕКТИВ**

**РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ**

Елена АРСЕНЬЕВА

Код Васнецова

**МОСКВА
2019**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Редактор серии *Ю. Милоградова*

Оформление серии *Н. Кудря*

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Код Васнецова / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с. — (Артефакт & Детектив Российской Империи).

ISBN 978-5-04-106069-5

Виктор Васнецов долго работал над своей картиной «Ковер-самолет». Все никак не удавалась изнанка сказочного летательного аппарата, пока одна его ученица не посоветовала удивительное и нестандартное решение... Алена Дмитриева далека от юриспруденции и частного сыска. Но если бы не она, то добрый десяток уголовных дел пополнил бы список нераскрытых. Сама ее жизнь — сплошной детектив, недаром Алена занимается их сочинительством. Дамочка, конечно, с гордостью и довольно противная, как заметил давний знакомый Дмитриевой начальник УВД Муравьев в разговоре с бизнесменом Алексеем Стахеевым, но разрулит любую ситуацию. Стахеев пожаловался ему на свои неразрешимые проблемы, связанные с одной из картин художественного музея. Его самым мистическим образом влечет к полотну Виктора Васнецова «Ковер-самолет», чтобы испортить этот шедевр...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-106069-5

Среди женщин так много идиоток,
что это даже перестали замечать.

А. Чехов

Нижний Новгород, наши дни

Никто не знает, где и когда он ступит на свой последний путь и сделает по нему первый шаг. То есть иногда это даже вовсе и не шаг как таковой, это совсем не обязательно физическое перемещение ног: правая-левая или левая-правая. Этот шаг может быть неосторожно сказанным словом, не вовремя проявленным любопытством, глотком чего-нибудь, что вам категорически противопоказано, сигаретной затяжкой, резким движением, благим намерением... ну не знаю, анестезией у стоматолога, что ли, которая вызовет аллергическую реакцию и отек Квинке... да мало ли чем может быть этот шаг! Вообще, есть такая русская пословица: «Родятся на смерть, а умирают на жизнь». То есть, строго говоря, уже в ту минуту, когда мы только открываем свои ничего еще не видящие глазки и издаем первый бессмысленный крик, мы делаем начальный шаг туда, откуда не возвращаются.

Но будем говорить не строго... да, будем говорить не строго и попытаемся понять, когда же и каким образом сделала свой роковой шаг героиня нашего романа.

Это случилось октябрьским, пасмурным, местами дождливым днем. Дождь осенью — явление самое обыкновенное, более чем, однако в том пришлопамятном октябре дождливые дни можно было пересчитать по пальцам одной руки. Ну такая выдалась осень... ну золотая, другого слова не подберешь! Словно нарочно замкнулся над землей этот сияющий хрустальный купол, чтобы Алёна Дмитриева (именно так зовут нашу героиню) свою последнюю осень запомнила надолго и даже, не побоимся этого слова, навсегда!

На всю оставшуюся жизнь.

Итак, осень стояла хрустальная, сияющая, золотая и неопишимо теплая. А к хорошему, как известно, быстро привыкаешь. И случайный дождливый день казался сущей нелепостью, каким-то грязным пятном на чистеньком новеньком плащике, неудачным мазком на шедевральной картине, фальшивой нотой в общем слаженном хоре. И настроение от этой фальши, неудачи, грязи портилось моментально. Именно в таком вот испорченном настроении Алёна подбежала к автобусной остановке «Оперный театр» и вскочила в полупустую маршрутку, которая тихонько так стояла, словно ждала именно ее.

Ничего себе, ждала! Подстерегала, словно капкан — добычу! В ту самую минуту, как Алёна поставила ногу на ступеньку и протянула руку, чтобы ухватиться за поручень, «пазик» тронулся. Нога Алёны со ступеньки сорвалась, и нашей героине удалось удержать равновесие и не свалиться под колеса «движущегося транспорта» только чудом. В общем-то, ей отчасти повезло, потому что водитель маршрутки не только взял с места, но и дверцу закрыл, и если бы Алёнина нога со ступеньки не сорвалась, то прыгать

бы ей на одной ножке вслед за маршруткой незнамо сколько (впрочем, вряд ли ее хватило бы надолго!). ...А так дверцей была зажата только конвульсивно взмахнувшая рука нашей героини. Что характерно, высвободить руку Алёна не могла: «пазик» ей попался новый, с крепкими дверцами, которые зажали злосчастную конечность намертво.

Но хотя Алёна была к маршрутке практически прикована, она все же могла бежать на обеих ногах, что само по себе в сложившейся ситуации можно было считать даже не везением, а большим счастьем. Правда, Алёна не успела посчитать это не только счастьем, но даже и элементарно посчитать, сколько времени она бежала за маршруткой... да не столь уж и долго, каких-то несколько секунд, потому что пассажиры, увидав ее руку, подняли крик, и на это отреагировал... нет, не черномазый носатый водитель, который в эту минуту, сладко улыбаясь, чирикал с кем-то по мобильному телефону (тоже в некотором роде выпало счастье, поскольку из-за этого он еще не врубил полную скорость, и «пазик» тащился, можно сказать, еле-еле... а может быть, он не спешил потому, что впереди на светофоре был красный свет), а кондуктор, молоденький мальчишка с простенькой конопатой мордашкой, сидевший около кабины шофера и явно подслушивающий его разговор. Кондуктор оглянулся к окну и сначала увидел Алёну, бегущую за маршруткой. Какое-то мгновение он смотрел на нее с сонным, равнодушным выражением: ну, мол, беги, беги, если делать тебе больше нечего! — но потом до него, пусть и с некоторой пробуксовкой, доехало, что вообще произошло, почему бежит, как пришитая, за маршруткой эта дамочка и почему народ крик поднял. И он повернулся

к водителю и крикнул ему что-то там, типа: «Открой дверь!» или «Стой!», — Алёна слов его не слышала. К счастью, водитель в эту минуту выключил телефон и смог отреагировать достаточно быстро. Он и «пазик» остановил, и дверцы открыл. Освобожденная Алёна тоже остановилась и прижала к себе сдавленную, онемевшую руку. И какое-то мгновение пребывала в неподвижности, с трудом удерживаясь на дрожащих ногах, переводя дыхание и пытаясь понять, где она, что с ней и как вообще жить дальше.

Тем временем впереди на перекрестке светофор зажег зеленый сигнал, и водитель счел, что ждать далее, пока бегунья придет в себя, нецелесообразно. Надо ехать! У него план, время, деньги! А может быть, он просто не захотел выслушивать то, что могла, хотела и должна была — имела на это полное право! — сказать ему Алёна. Короче, он снова закрыл дверцы, дал по газам и с крейсерской скоростью помчался через трамвайные пути к повороту на площади Свободы. И скрылся из виду прежде, чем Алёна успела заметить его номер, чтобы пожаловаться куда следует за бесчеловечное обращение с пассажирами... да она и вообще не заметила, в какую маршрутку садилась, в 34-ю, к примеру, или в 7-ю, или в 118-ю, или еще в какую-нибудь, потому что практически все шли туда, куда нужно ей было доехать: на площадь Минина. Двести пятьдесят раз она убеждала себя, что нужно побольше ходить пешком, на улице она и так мало бывает, все сидит за компьютером (наша героиня писательница, причем настоящая, детективы, заметьте себе, пишет... или, вернее сказать, — *была* писательницей, *писала* детективы...), однако немедленно забывала о благих намерениях, лишь только доходила до остановки и замечала попутную маршрутку.

Конечно, нормальный человек на месте Алёны Дмитриевой после такого пассажа что сделал бы? Пошел бы дальше пешком и надолго, если не навсегда, зарекся ездить в нижегородском общественном транспорте. Особенно если за рулем окажется черномазый носатый водитель! Но нашу героиню никто, даже любящий мужчина (на данный момент ее жизни Алёна пребывала в одиночестве, но ведь любил же ее хоть кто-то хоть когда-то, честное слово, любил, и даже кончать с собой пробовал... этот, как там его звали?.. ну вот видите, я же шелкаю... да имя им легион!), даже в припадке страсти никогда не назвал бы нормальной женщиной. Поэтому знаете что она сделала? Прижимая к груди ноющую, прищемленную руку, немедленно вошла в следующую подошедшую маршрутку! И даже заплатила за проезд...

Итак, села она на первое попавшееся свободное сиденье — народу здесь оказалось раз, два и обчелся — и принялась водить все еще затуманенными глазами по сторонам. И когда туман в этих глазах, наконец, разошелся, первое, что смогла разглядеть Алёна, — это объявление, висящее на плексигласовой перегородке, отделяющей водителя от пассажиров. Объявление гласило: *«Не будь ослом — пройди в салон!»*

НЕ БУДЬ ОСЛОМ!..

Ну и всё, и наша злосчастная героиня окончательно потеряла сознание, и все сдерживающие центры, и без того *защемленные* предыдущим инцидентом, у нее вовсе отключились. Наглядная агитация, столь распространенная в нижегородском общественном транспорте, давно терзала ее вопиющим хамством и столь же вопиющей безграмотностью. «Ежьте семечки с кожурой а конфеты с фантиками!», «Нажал

Доехал, не нажал Проехал!», «Бывает заяц белый бывает заяц серый а ты какова цвета товарищ без билета?», «Остановку «Вот тут» отменили!», «Бутылка выпита до дна и далеко родной подъезд, не тратьте деньги на вино, оставьте деньги на проезд!» — это еще самые человеколюбивые и любезные из водительских приколов, перемежаемые непременными фотографиями нагих силиконовых грудей и столь же нагих и, очень может быть, столь же силиконовых импортных задниц. И, конечно, гремящая до одури музыка — почему-то непременно «Радио «Шансон»... интересно, по какому праву завыванье бывших зэков стало именоваться шансоном?! Ну ладно, о вкусах не спорят, но о манерах...

— А что, обязательно надо оскорблять людей?! — выкрикнула Алёна звенящим от ярости голосом.

Кондукторша, худющая девчонка с выдающейся попкой, приставленной к туловищу под странным углом (чудилось, эта часть тела взята напрокат у кого-то другого, килограммов на сорок тяжелее), уставилась на Алёну огромными глазами, цветом и выражением напоминающими мутную воду из Гребного канала.

— Чо? — спросила она, прижмуривая глаза, сводя к носу брови и застывая с приоткрытым ртом. Надо сказать, «чо» — любимое слово нижегородцев, и все они, как один, чокают именно с таким выражением лиц.

Земляков своих Алёна очень любила. Слово «чо» ненавидела лютой ненавистью!

— Через плечо! — выкрикнула она, едва удержавшись, чтобы не добавить любимую присказку своего детства «Да по уху!». — Я спрашиваю, разве обязательно оскорблять людей?

— Да кто вас оскорбляет? — снова вытаращилась кондукторша. — Я вам ни слова не сказала! Вам небось слышалось!

— Чо там кому слышалось? — раздался гортанный говорок, и шофер обернулся в салон. Ой, как интересно... на маршрутках, что ли, работают близнецы-братья? А впрочем, говорят, японцам все европейцы кажутся на одно лицо. Также и европейцам — все японцы. Также и русским — все лица кавказской национальности...

— Мне ничего не слышалось! — крикнула Алёна. — И не привиделось! Я просто не верю своим глазам: как у вас хватило наглости написать такое? — Она махнула рукой на объявление.

— Да чо ты переживаешь, я нэ понял, дэвышка? — забеспокоился водитель.

Господи, он говорить по-русски еще не умеет толком, а уже чокает по-нижегородски! Объясняться с таким — только зря язык мозолить. Она не будет объясняться. Она вот что сделает...

Алёна огляделась и увидела то, что искала: прикрепленный над дверцей листок бумаги с координатами автобусного парка, которому принадлежала маршрутка. Отлично! Не частник какой-нибудь, а более или менее муниципальная компания. Какие там телефоны? У нашей писательницы всегда под рукой орудие ремесла: ручка и блокнот, чтобы их зафиксировать.

— Вы чо это делаете? — насторожилась кондукторша. — Вы чо пишете?

— Телефон вашего начальства, — объяснила Алёна. — Вашей транспортной фирмы.

— Неужто звонить будете? — изумленно уставилась девчонка.

— Уж будьте благонадежны! — буркнула Алёна. — Я у вас отобью охоту оскорблять пассажиров! «Пройди в салон, не будь ослом!» Это же надо — придумать такое!

«Пазик» подрулил к остановке и затормозил так резко, что Алёна покачнулась и плюхнулась на ближайшее сиденье. Еще повезло — запросто могла бы рухнуть прямо на пол.

— Поосторожней нельзя? — буркнула она, убирая блокнот и ручку в сумку.

— Да тебя вообще в окно надо было выкинуть, — пробурчала кондукторша. — Старая скандалистка!

Что?!..

— Это я — скандалистка?! — сдавленно ахнула Алёна.

Вообще-то ей хотелось выкрикнуть: «Это я — старая?!» Но, с другой стороны, девчонке она в матери годится, это точно. С точки зрения этой кондукторши, место сорокаоднолетней тетке в богадельне, если уже не в могиле. И все равно, лучше пусть обзывают скандалисткой, чем...

— Слушай, зачём звонить, а? — вкрадчиво спросил водитель, перегибаясь в салон. — Зачём пэрэживаешь?

— Снимите объявление — и я не буду никуда звонить, не буду переживать, — покладисто предложила Алёна. — Снимите и дайте его мне, я выброшу, а то еще снова повесите!

Водитель покачал головой:

— Ай-я-яй, слушай, твое какое дело, чо там написано?

— Как это — какое мое дело?! — изумилась Алёна. — Но ведь это обращено ко всем пассажирам, ко всем, кто едет в вашей маршрутке.

— Какая она моя? — обиделся водитель. — Я на ней работаю, понимаешь? Она не моя! Моя «Ауди» в гараже стоит в Цахкадзоре.

— Где-где? — переспросила Алёна.

— В ...де, — доходчиво пояснил водитель.

Кондукторша зашлась хохотом.

Алёна даже зажмурилась на минуточку.

— Ну ладно, как хотите, — сказала она, вставая и делая шаг к выходу. — Бессмысленно тратить время на всякое черномазое чмо. И на белобрысое — тоже!

И в эту минуту дверца захлопнулась — прямо перед ее носом.

Сначала Алёна подумала: «Как хорошо, что я не успела высунуть руку!» Потом возмущенно обернулась к водителю и кондукторше и уставилась в их скалящиеся физиономии.

— Да вы что? — Она растерянно огляделась, пытаясь призвать в свидетели других пассажиров, и обнаружила, что находится в салоне одна — не считая, понятно, этих двух моральных уродов. Пассажиры, такое впечатление, успели ускользнуть через вторую дверь. Со страху, что ли?

Впрочем, страх тут ни при чем. Просто-напросто маршрутка находилась уже на конечной остановке близ площади Минина, вот все и вышли. И она вышла бы, и двинулась бы напрямиком в зал ценных фондов областной библиотеки, куда изначально направлялась, — и уже сидела бы там за любимым столиком в уголке, кабы не ввязалась в бессмысленную свару, которая вдобавок становится опасной.

Нет, конечно, эта парочка разбойников ничего с ней не сделает, они ее выпустят... но когда? И вдруг *не* выпустят? Вот как даст сейчас водила по газам,

и умчится маршрутка невесть куда, в какой-нибудь притон черномазых разбойников.

Ну, воображение у нашей героини было чрезвычайно буйное, не зря же она писала романы с лихо закрученной интригой, горами трупов, морями крови, невероятными приключениями и леденящими душу опасностями... но, с другой стороны, из этих опасностей героини Алёны Дмитриевой, такие же надменные, ироничные интеллектуалки, как она сама, очень лихо выпутывались без всякой посторонней помощи, да еще и других выпутывали, не теряя при этом ехидства, интеллекта и изысканности. А также своего сексапила. И если так поступают ее героини, то неужто она, их создательница, не сможет самостоятельно развесть столь обыденную ситуацию, как скандал в маршрутке?

Да запросто!

— Знаете, это просто смешно, — сказала Алёна высокомерно. — Вы меня заперли зачем? Чтобы выцыганить у меня листок, на котором я записала этот ваш телефон? Да возьмите! — И она вырвала листок из блокнота, скомкала и швырнула кондукторше.

Та подхватила бумажный комочек с жадным выражением лисы Алисы, которая достает из ямки запряганные Буратино золотые монеты.

И, очень может быть, рука водителя в этот миг уже потянулась к тому рычажку, или кнопке, или еще к чему-то, чем открывается автобусная дверь, и, вполне вероятно, что он открыл бы дверь, и выпустил бы Алёну, и она пошла бы в зал ценных фондов областной библиотеки и... и, как пишут в романах, вся ее жизнь сложилась бы иначе, совсем иначе! Но бес, который, как известно, таится за левым плечом каждого из нас (а за правым стоит наш ангел-храни-

тель... но Алёнин ангел-хранитель в эту минуту, видать, отвернулся, в то время как враг рода человеческого всегда настоroje), взял да и потянул Алёну за язык. И она возьми да ляпни:

— Бумажка мне и ни к чему!

Впервые в мутных глазах девчонки-кондукторши появилось осмысленное выражение.

— А вы что, телефон запомнили? — спросила она изумленно.

— Вы, наверное, думаете, что у меня уже начался склероз? — ехидно усмехнулась Алёна.

— Нет, правда будете звонить? — опять спросила девчонка.

— Снимите эту дурь, тогда не буду! — опять ответила Алёна.

Скандал пробуксовывал, выруливал на второй круг — столь же безнадежный, как и первый.

— Ладно, Анжела, слюшай, сними бумагу, — внезапно приказал водитель, и Алёна от изумления чуть не подавилась.

Кондукторша, что характерно, тоже.

— Не буду снимать! — выкрикнула она тонким скандальным голосом. — Ты что, Ашот, сдурел, всяких старых дур слушать!

«Господи, ты все видишь!» — Алёна с видом первой христианской мученицы, отправленной на растерзание львам и тиграм на арену Колизея, воздела глаза к небу.

— Сними, кому сказал! — рявкнул Ашот.

Анжела повиновалась, стиснув губы в куриную гузку.

— Дай сюда! — приказал Ашот и, смяв бумагу в комок, швырнул ее на пол в салон. А потом... А потом он вдруг повернулся к лоточку, в котором лежала